

кроме границ возможности, а не права, до тех пор они следуют лишь одному закону – своему естественному эгоизму, они оскорбляют друг друга, взаимно друг друга обкрадывают, обижают, убивают и пожирают, каждый соразмерно своему уму, своей хитрости, своим материальным силам, подобно тому, как поступают, как мы это уже видели, в настоящее время, государства. Следовательно, человеческая природа рождает не *добро*, а *зло*; человек по природе дурен. Каким образом он таким сделался? Объяснить это – дело теологии. Факт тот, что Государство при своем возникновении находит человека уже дурным и берется сделать его хорошим, т. е. пересоздать естественного человека в гражданина.

На это можно возразить, что так как Государство является продуктом свободно заключенного людьми договора, а добро является продуктом Государства, то, следовательно, оно – продукт свободы! Подобный вывод совершенно неверен. Государство даже по этой теории не является продуктом свободы, а, наоборот, жертвы и добровольного отречения от свободы. Люди в естественном состоянии совершенно свободны с точки зрения *права*, но *на деле* они подвержены всем опасностям, которые каждую минуту угрожают их жизни и безопасности. И вот, чтобы обеспечить эту последнюю, они отрекаются от большей или меньшей части своей свободы, и поскольку они пожертвовали ею ради своей безопасности, поскольку они стали гражданами, постольку они сделались *рабами Государства*, поэтому мы правы, утверждая, что *с точки зрения Государства добро рождается не из свободы, но, наоборот, из отрицания свободы*.

Замечательная вещь – это подобие между теологией – наукой Церкви и политикой – теорией Государства, эта встреча двух столь различных по внешности родов мыслей и фактов в одном и том же убеждении: *убеждении в необходимости заклания человеческой свободы ради насаждения в людях нравственности и пересоздания их, согласно Церкви – в святых, согласно Государству – в добродетельных граждан*. Что касается до нас, мы несколько не удивляемся, ибо мы убеждены и постараемся ниже доказать, что политика и теология – родные сестры, имеющие одно происхождение и преследующие одну цель под разными именами; что всякое Государство является земной Церковью, подобно тому как, в свою очередь, всякая Церковь вместе со своим небом – местопребыванием блаженных и бессмертных богов является не чем иным, как небесным Государством.

Государство, стало быть, как и Церковь, исходит из того основного предположения, что люди существенно дурны и что, предоставленные своей естественной свободе, они бы раздирали друг друга и являли бы зрелище самой ужасной разнузданности, где самые сильные убивали бы или эксплуатировали самых слабых. Не правда ли, это было бы нечто совершенно противоположное тому, что происходит в настоящее время в наших образцовых государствах? Далее, Государство возводит в принцип положение, что для того, чтобы руководить людьми и подавлять их дурные страсти, необходим руководитель и узда; но что эта власть должна принадлежать человеку гениальному и добродетельному¹, законодателю своего народа, как Моисей, Ликург и Солон, – и что тогда этот вождь и эта узда будут воплощать в себе мудрость и карающую мощь Государства.

Во имя логики мы бы могли поспорить об уместности законодателя, ибо в рассматриваемой нами теперь системе речь идет не о кодексе законов, налагаемом какой-нибудь властью, а о взаимном договоре, свободно заключенном свободными основателями Государства. И так как эти основатели, согласно разбираемой системе, были не более, не менее, как дикарями, которые до тех пор жили в самой полной естественной свободе и, следовательно, должны были не знать различия между добром и злом, то мы могли бы спросить: каким образом они вдруг стали различать их и отделять? Правда, нам могут возразить, что дикари заключили вначале свой взаимный договор с единственной целью обеспечить свою безопасность; поэтому то, что они называли *добром*, было не что иное, как несколько немногочисленных пунктов, внесенных в договор, как, например, не убивать друг друга, не грабить имущество друг у друга и взаимно оказывать друг другу помощь при всех нападениях извне. Но впоследствии законодатель, гениальный и добродетельный человек, родившийся уже в таком образом организованном обществе и поэтому воспитанный, в некотором роде, в его духе, мог расширить и углубить условия общественной жизни и, таким образом, создать первый кодекс нравственности и законов.

Но сейчас же возникает другой вопрос. Предположим, что человек, одаренный необычайными гениальными способностями и рожденный в среде этого еще весьма первобытного общества, был в состоянии при помощи очень грубого воспитания, которое он получил в этом обществе, и благодаря

¹ Это идеал Мадзини. – См. *Doveri dell'uomo* (Napoli 1860), стр. 83 и А. Pio IX Папа, стр. 27: «Мы признаем святость Власти, освященной гением и добродетелью, этими единственными священнослужителями будущего, и проявляющей великую способность жертвовать: она проповедует добро и добровольно ведет к нему видимым образом».